

Франсуа Рабле

**Гаргантюа и Пантагрюэль —
II**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Р12

Р12 **Рабле Ф.**
Гаргантюа и Пантагрюэль — II / Франсуа Рабле – М.: Книга по Требованию,
2012. – 148 с.

ISBN 978-5-4241-2794-6

ISBN 978-5-4241-2794-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Пантагрюэль, король
Дипсодов, показанный в его
доподлинном виде со всеми его
ужасающими деяниями и
подвигами.

Сочинение покойного магистра
Алькофрибаса, извлекателя
квинтэссенции

*Десятистишие мэтра Гюга Салеля,
посвященное автору этой книги*
Коль автор вправе похвалу снис-
кать,
Приятное с полезным сочетав,
Тебя читатель должен прослав-
лять
Затем, что, шуточный предмет
избрав,
Сумел ты эту повесть написать,
Где столько истин, всем полез-
ных, скрыто.
Мне кажется, я слышу Демокри-
та,
Чей смех бичует глупости люд-
ские.
Пусть книга будет в наши дни
забыта, —
Пиши: ее поймут века другие.

От автора

François Rabelais

Славнейшие и доблестнейшие воители, люди знатные и простые, любители чтения увлекательного и благопристойного! Вы не так давно видели, читали и изучали Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа и отнесли к этой книге с таким же доверием, с каким люди истинно верующие относятся к Библии или же к Святому евангелию, и не раз при встрече с почтенными дамами и благородными девицами вместо любовных речей вы услаждали их слух извлеченными из этой книги забавными и длинными рассказами, за что вам честь и хвала и вечная память! Будь моя воля, я бы всем и каждому велел позабыть о своих обязанностях, пренебречь своими занятиями и бросить свои дела, дабы все свое время посвятить этим рассказам, так чтобы никакие посторонние предметы не отвлекали рассказчиков и мыслей их не занимали, — таким путем все в конце концов выучили бы эти рассказы наизусть, и, в случае если бы книгопечатание прекратилось или если бы все книги почему-либо погибли, каждый мог бы слово пересказать сию повесть своим детям и передать ее наследникам своим и потомкам как бы из рук в руки, точно некую религиозную каббалу, ибо пользы от нее больше, чем, вероятно, полагает шайка покрытых болячками самохвалов, еще меньше понимающих в забавных этих приключениях, нежели Ракле в Институтциях.

Многие из моих знакомых высокопоставленных сеньоров, отправившись на охоту по крупному зверю или же на охоту соколиную и не найдя зверя в том месте, которое указал ловчий, или же если сокол упустил добычу, бывали, как вы сами понимаете, сильно огорчены, и всякий раз поднимали их дух и разгоняли их тоску бесподобные деяния упомянутого Гаргантюа. Бывают и такие случаи, и это совсем не враки: у человека адски болят зубы, просадит он на лекарей все свое достояние, а толку никакого, и вот оказывается, что самое действительное средство — это обернуть вышеназванные Хроники в добротное полотно, предварительно хорошенько его прогрев, сверху посыпать порошком из сухих какашек и приложить к больному месту.

А уж про бедных венериков и подагриков говорить нечего! Сколько раз приходилось нам видеть их после длительных втираний и смазываний! Лица у них блестят, как замки на дверях кладовой, где хранится сало, зубы стучат, точно клавиши органа или же спинета, а изо рта брызжет пена, точно у кабана, которого загнали собаки! Чем же они тогда занимаются? Единственное их утешение — послушать несколько страниц из вышеуказанной книги, и как же они чертыхаются, если в то время, пока их держат в парильне, чтение не приносит им существенного облегчения, — точь-в-точь как роженицы, когда им читают житие св. Маргариты!

Что ж, по-вашему, это безделица? Найдите мне на любом языке и в любой отрасли знания книжку, которая обладала бы такими же свойствами, особенностями и преимуществами, и я куплю вам полпинты требухи. Не найдете, милостивые государи, не найдете! Это книга в своем роде единственная, равных себе не имеющая и беспримерная. Я готов утверждать это под страхом любой кары, вплоть до костра, но только не включительно, а исключительно. Те же, кто будет

утверждать обратное, суть преопределенцы, отщепенцы, совратители и соблазнитель.

Правда, такие выдающиеся произведения, как Феспент, Неистовый Роланд, Роберт-Дьявол, Фьерабрас, Гийом Бесстрашный, Гюон Бордоский, Мандевиль и Матабрюна, обладают некими таинственными свойствами, но с той книгой, о которой здесь идет речь, они сравнения не выдерживают. Громадная выгода и польза от вышеупомянутой гаргантюинской хроники общеизвестна, непреложное чему доказательство состоит в том, что у книгопродавцев она разошлась за два года в таком количестве, в каком Библия не расходилась в течение девяти лет.

А чтобы вам было чем развлекаться и впредь, я, покорнейший слуга ваш, ныне предлагаю вашему вниманию другую книгу в таком же духе, впрочем несколько более достоверную и правдоподобную, нежели та. Можете мне поверить (если только у вас нет против меня какого-либо предубеждения), что я толкую в ней обо всем не так, как евреи толкуют закон Божий. Я не так воспитан, мне еще не случилось лгать или же передавать за верное то, чего на самом деле не было. Я пишу, как те протобести, то бишь протонотарии, которые, вместо того чтобы составлять жития святых мучеников и угодников, сочиняют любовные историйки про угодников дамских. *Quod vidimus testamur*.¹ Я веду рассказ о страшных деяниях и подвигах Пантагрюэля, а я у него прослужил от молодых ногтей и до самых последних дней, на днях же я получил у него позволение посетить те края, где я жил, когда у меня еще молоко на губах не обсохло, и узнать, кто еще из моей родни существует на свете.

Итак, заканчивая этот пролог, я долгом своим почитаю сказать, что готов прозаложить всем чертям на свете тело свое и душу, всего себя со всеми потрохами, если на протяжении этой истории хоть раз прилгну. Но уж и вас чтоб спалил антонов огонь, чтоб падучая вас била, чтоб молния вас убила, чтоб от язв на ногах вам охрометь, чтоб от поноса вам отощать, чтоб во всем теле у вас приключилось трясение, а в заднем проходе воспаление, чтоб вас, как Содом и Гоморру, поглотили сера, огонь и пучина морская, если вы не будете твердо верить всему, о чем я поведаю вам в предлагаемой мною хронике!

Глава I.

О происхождении и древности рода великого Пангигрюэля

Я почитаю не излишним и не бесполезным, раз у нас есть досуг, напомнить вам, откуда ведет начало свое и происхождение добрый Пантагрюэль, ибо ведомо мне, что все добрые историографы так именно и составляли свои хроники, и не только греки, арабы и язычники, но и авторы Священного писания, как, например, высокочтимый евангелист Лука и евангелист Матфей.

Надобно вам знать, что в начале мира (я веду рассказ свой издалека, — если считать по способу древних друидов, то это было более сорока сороков ночей тому назад), вскоре после того как Авель пал от руки своего брата Каина, земля, впитав в себя кровь праведника, уродила множество всяких плодов, какие только в ее лоне произрастают, в особенности же так много кизилия, что приснопамятный этот год был назван годом крупного кизилия, ибо три его ягоды составляли целый буасо.

В тот год греки стали считать время на календы, в марте не было Великого поста, а первая половина августа была в мае. Кажется, на октябрь этого года или, если только не ошибаюсь, на сентябрь, — а я страх как боюсь ошибиться, — пришлось неделя, известная нам по летописям под названием семипятничной, ибо на этой неделе бывает семь пятниц по причине високосной нерегулярности, в связи с чем солнце, точно хромец, слегка пошатнулось влево, луна отклонилась от своей орбиты более чем на пять туаз, и было ясно видно сотрясение так называемого неподвижного небосвода, столь сильное, что средняя Плеяда, покинув спутников своих, отклонилась в сторону линии равноденствия, а звезда, именуемая Колосом, покинула созвездие Девы и двинулась по направлению к Весам, — все это были явления столь грозные и столь трудные и недоступные для понимания, что астрологи обломали об них все зубы, а зубы-то у них, должно полагать, были ох какие длинные, коли могли они так далеко доставать!

Да будет вам известно, что все ели помянутый кизиль с удовольствием, ибо он был хорош на взгляд и приятен на вкус, но подобно тому как Ной, этот святой человек, которому мы так обязаны и признательны за то, что он взрастил для нас виноград, из коего мы добываем нектароподобный, восхитительный, упоительный, веселящий, удивительный, божественный напиток, именуемый хмельным, — подобно тому как Ной, вкушая его, перехватил, ибо не подозревал о силе его действия и о его крепости, так же точно мужчины и женщины, жившие в те времена, накинулись на прекрасные крупные ягоды кизилия. И от сего с ними произошли всякие несчастья, ибо у всех у них появились ужасные опухоли, но только в разных местах.

У иных пухнул живот, да так, что это уж был не живот, а здоровенная бочка; на них было написано: *Ventrem omnipotentem*², и все это были люди порядочные и изрядные шутники, от коих впоследствии произошли святой Пузан и Кануноста.

У иных росли плечи, да так, что этих горбунов стали называть монтаферами, то есть горносоцами, — подобных им вы и сейчас еще можете наблюдать среди лиц обоего пола и разных состояний, и от них произошел Эзоп, о поучительных деяниях и изречениях коего вы имеете возможность прочитать в книге. У иных вытягивался в длину орган, именуемый пахарем, — он становился на диво

длинным, дюжим, ражим, пригожим, цветущим, торчащим вверх на античный манер, и люди пользовались им как поясом и раз пять или шесть обматывали его вокруг туловища. Когда же он находился в стоячем положении, а ветер дул людям в спину, то в эту минуту при взгляде на них можно было подумать, что это играющие в кентен выставили пики. Порода этих людей исчезла, по крайней мере так утверждают женщины, ибо они постоянно плачутся, что

Нет больше этих толстячков и т.д. —

конец песенки вам известен.

У иных отрастали яички и принимали такие чудовищные размеры, что в мюид могло поместиться штуки три, не больше. Отсюда ведут свое происхождение лотарингские яички, которых гульфик не вмещает, так что они обретаются в глубине штанов.

У иных росли ноги, росли стопы, и при взгляде на таких людей можно было подумать, что перед вами не то журавли, не то фламинго или же что это люди на ходулях которых школяры называют на своем языке двустопными.

У иных увеличивался в размерах нос до такой степени, что становился похож на трубку от перегонного куба, и был он весь испещрен жилками, усеян пупыршками, весь опухший, сизо-багровый, угреватый, порытый бутончиками бутонцов, прошитый красными нитями, — такой нос вы могли видеть у каноника по имени не то Панзу, не то Пузу, да еще у анжерского лекаря по имени Культяп. Некоторые из тех, кто произошел от этой породы людей, возымели пристрастие к ячменному отвару, большинство же пристрастилось к виноградному соку. От них ведут свое происхождение Назон и Овидий, а равно и все те, о коих сказано: *Ne reminiscaris*.³

У иных росли уши, и такие они становились большие, что из одного уха люди делали себе и куртку, и штаны, и камзол, а другим накрывались, как испанским плащом, и говорят, что в Бурбонне донине сохранилась порода людей, благодаря которой бурбоннезские уши вошли в поговорку.

Иные же росли и вдоль и поперек. От них-то и произошли великаны.

А от них — Пантагрюэль;

И первым был Шальброт,

Шальброт родил Сараброта,

Сараброт родил Фариброта,

Фариброт родил Хуртали, великого охотника до супов, царствовавшего во времена потопа,

Хуртали родил Немврода,

Немврод родил Атласа, подпиравшего плечами небо, чтобы оно не упало,

Атлас родил Голиафа,

Голиаф родил Эрикса, первого фокусника,

Эрикс родил Тита,

Тит родил Эриона,

Эрион родил Полифема,

Полифем родил Кака,

Как родил Этиона, первого подхватившего дурную болезнь, оттого что не пил летом холодного вина, о чем у нас есть свидетельство Бертакино,

Этион родил Энкелада,

Энкелад родил Кея,

Кей родил Тифона,
Тифон родил Алоея,
Алоей родил Ота,
От родил Эгеона,
Эгеон родил сторукого Бриарея,
Бриарей родил Порфириона,
Порфирион родил Адамастора,
Адамастор родил Антея,
Антей родил Агафона,
Агафон родил Пора, с которым воевал Александр Великий,
Пор родил Аранфа,
Аранф родил Габбару, установившего обычай выпивать за чье-либо здоровье,
Габбара родил Голиафа Секундильского,
Голиаф родил Оффота, которому благодаря его длинному носу было очень
удобно пить из отверстия в бочке,
Оффот родил Артахея,
Артаhey родил Оромедона,
Оромедон родил Геммагога, изобретателя башмаков с загнутыми вверх ост-
рыми носками,
Геммагог родил Сизифа,
Сизиф родил Титанов, от коих произошел Геркулес,
Геркулес родил Енака, великого искусника по части снятия с рук клещей,
Енак родил Фьерабраса, побежденного пэром Франции Оливье, другом Ро-
ланда,
Фьерабрас родил Морганта, первого человека на свете, который играл в кости,
надев очки,
Моргант родил Фракасса, о котором написал Мерлин Коккай,
Фракасс родил Феррагуса,
Феррагус родил Мухолова, первого, кто начал коптить бычьи языки на дымо-
вой трубе, а прежде их солили, как ветчину,
Мухолов родил Боливоракса,
Боливоракс родил Копуна,
Копун родил Гайоффа, у которого яички были сделаны из тополя, а детород-
ный член из рябины,
Гайофф родил Живоглота,
Живоглот родил Брюльфера,
Брюльфер родил Жру,
Жру родил Галаада, изобретателя винных бутылок,
Галаад родил Мирланго,
Мирланго родил Галаффра,
Галаффр родил Тяжеловеса,
Тяжеловес родил Робоастра,
Робоастр родил Сортибранта Конимбрского,
Сортибрант родил Брюланта Монмирейского,
Брюлант родил Брюйе, побежденного Ожье Датчанином, пэром Франции,
Брюйе родил Мобрена,
Мобрен родил Немогу,

Немогу родил Аклебака,
Аклебак родил Нестоита,
Нестоит родил Грангузье,
Грангузье родил Гаргантюа,
Гаргантюа родил доблестного Пантагрюэля, моего господина.

Я предвижу, что, когда вы прочтете это место, у вас возникнет вполне законное недоумение, и вы спросите: «Как же это так? Ведь во время потопа погибли все, за исключением Ноя и еще семи человек, которых он взял с собою в ковчег, однако ж в их число упомянутый Хуртали не попал?»

Вопрос, по правде говоря, разумный и сам собою напрашивающийся, но мой ответ, я думаю, вас удовлетворит, или у меня плохо проконопачена голова. На свете меня в то время не было, брать же с потолка я не намерен, и я сошлюсь на масоретов, еврейских истолкователей Священного писания: масореты положительно утверждают, что вышеназванного Хуртали в Ноевом ковчеге не было, оттого что не мог он туда войти, — слишком он был велик, — он сидел на ковчеге верхом и болтал ногами, как мальчишки на деревянных конях или же как впоследствии убитый при Мариньяно громадный Бернский бык, восседавший на тяжелом орудии, а у этого верхового животного, бесспорно, изящная и легкая иноходь. Благодаря этому Хуртали оказался вторым после Бога спасителем упомянутого ковчега, ибо он предотвратил кораблекрушение: он с помощью ног приводил ковчег в движение и поворачивал его в любую сторону, так что его ноги служили ковчегу как бы рулем. Находившиеся в ковчеге передавали ему по трубе достаточное количество съестного, ибо почитали Хуртали за своего благодетеля, и время от времени переговаривались с ним, как Икароменипп с Юпитером, о чем поведал нам Лукиан.

Ну как, вы все поняли? В таком случае хлопните винца, только не разбавляйте водой. Не верится вам, что ли?

«Ну и мне тоже не верится», — сказала кума.

